
КАПИТАЛИЗМ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР (рецензия на книгу «Политическая экономия России: динамика общественного договора в 2000-х годах»)¹

Р.С. Дзарасов

Книга посвящена одному из важнейших вопросов развития современного российского общества – поиску механизма согласования интересов государства и правящего класса страны в целом с населением. Основу авторского коллектива составляют сотрудники Института национального проекта «Общественный договор». Это некоммерческая, неправительственная исследовательская организация, объединяющая экономистов, политологов и юристов, занимающихся проблематикой гражданского общества. Свою миссию междисциплинарный коллектив видит «в содействии реализации нового общественного договора, т.е. развитию отношений между обществом, бизнесом и властью в сторону их большей прозрачности,

© Дзарасов Р.С., 2011 г.

¹ Политическая экономия России: динамика общественного договора в 2000-х годах: Избранные труды Института национального проекта «Общественный договор», 2000–2009 / Сост. А.А. Аузан, А.В. Золотов, А.А. Ставинская, В.Л. Тамбовцев (М.: 2010. 720 с.). По всей видимости, под политической экономией имеется в виду не привычная для нашего обществоведения наука об отношениях, складывающихся между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления хозяйственных благ, а западное название дисциплины, изучающей экономическую политику.

взаимной выгоды и продуктивности»². С этой целью специалисты ИНП непосредственно участвуют в разработке проектов законов, осуществляют научные исследования, ведут широкую информационно-разъяснительскую работу в рассматриваемой области. За 10 лет своего существования (институт был основан в 2000 г.) ИНП осуществил выпуск десятков работ по проблематике формирования в России гражданского общества. Важным итогом научной деятельности института стала публикация избранных трудов коллектива, которая и является предметом настоящей статьи.

Авторы работы рассматривают трактовку понятия общественного договора в «старой» и «новой» теориях. Первый подход (Д. Локк, Т. Гоббс, Ж. Руссо) отмечает, что на определенном этапе истории «индивиды договариваются между собой о передаче части прав государству, которое становится гарантом соблюдения правил социального взаимодействия» (с. 111). «Современная» теория социального контракта (Дж. Бьюкенен, М. Олсон, Дж. Ролз) считает наиболее эффективным способом выработки решений в общественной жизни организацию «переговорного процесса между группами, представляющими различные общественные интересы» (с. 112). Отмечается, что для успеха данного процесса в переговорах должны быть представлены интересы всех групп индивидов, они должны осознавать свои интересы и быть хорошо информированы. Таким образом, второй подход смотрит на достижение общественного договора как на постоянно возобновляющийся процесс, а не как на раз и навсегда достигнутый результат, к чему склоняется первая точка зрения. Авторы справедливо рассматривают социальный контракт как необходимое условие успеха перехода к рыночной экономике и демократической системе правления.

В работе констатируется, что для пореформенного развития России характерно не только отсутствие самого факта заключения

² Институт национального проекта «Общественный договор» (<http://www.inp.ru/>).

подобного договора, но и недостаток понимания его необходимости, как среди широких слоев населения, так и среди государственного чиновничества и бизнеса. Эти выводы основаны на обобщении материалов целого ряда систематических массовых опросов разных групп российского населения и серии углубленных интервью. Данные показывают, что почти две трети населения ни в чем не рассчитывает на помощь государства, но считает это неправильным. При этом альтернативой сложившемуся положению эта часть наших сограждан считает вовсе не общественный договор в рассмотренном выше смысле: «Большинство населения не только не видит способов обуздать произвол бюрократии, но и искренне не понимает, почему власть должна ограничивать свои полномочия. Власть мифологизирована – большинство понимает ее не как функцию, делегированную обществом государству, а как конкретных людей, “хозяев”, от доброй или злой воли которых зависит хорошая или плохая жизнь подданных» (с. 12). Ценность общественного договора не просто как отвлеченной идеи, а как инструмента воздействия на социальные процессы признается лишь 6–7% россиян, поддерживающих либеральные реформы.

Ставится вопрос о том, почему сложилось подобное положение и «реформаторы не просто утратили первоначальную поддержку и доверие, а превратились в предмет общего осуждения, недоверия, стали синонимом коррупции, казнокрадства и воровства, предательства» (с. 19). В качестве ответа видится то, что «у людей не было и нет сейчас ответственности за происходящее в их стране, в их городе» (с. 23). Действительно, исследования показывают, что представления россиян о власти содержат два противоположных образа: идеальный, т.е. представление о государстве как носителе величия российской державы, устанавливающем порядок в интересах граждан; и реальный, т.е. представление о государстве как враждебной силе, подавляющей индивида и нарушающей его интересы (с. 29). В таких условиях важнейшим «ресурсом повседневно-

го выживания частного человека» становится обман государства через нарушение установленных им правил, где это только возможно. Между тем общественный договор является как раз закреплением взаимной ответственности государства, бизнеса и общества. «Однако сегодня ни власть не нуждается в соответствующих механизмах, ни само население не может представить себе» ответственную власть. Таким образом, «ответы на главный вопрос о неудачах или неэффективности реформаторской политики следует искать в особенностях массового поведения, в массовых реакциях» на предлагаемые изменения (с. 19).

Проблематика общественного договора действительно является центральной для построения гражданского общества, основанного на постоянном согласовании противоречивых социальных интересов и цивилизованном разрешении возникающих конфликтов. С этой точки зрения ИНП ведет полезную и необходимую работу. Однако, на взгляд автора настоящей статьи, есть важные аспекты этой темы, которые не нашли должного отражения в рассматриваемой работе. Согласно изложенному выше получается, что три стороны общественного договора – государство, бизнес и общество – вполне равноправны в своих отношениях и в равной степени их определяют. Более того, складывается впечатление, что по крайней мере некоторые авторы работы считают именно население, т.е. прежде всего, наемных работников, главными «виновниками» отторжения нашим обществом практики общественного договора (см. цитаты выше).

Думается, что заключение и соблюдение общественного договора отражают компромисс правящих классов капиталистического общества с трудящимися. Он воплощается прежде всего в создании «государства всеобщего благосостояния» с его системой социальных гарантий и практикой коллективного договора. Именно эта готовность правящего класса частично учесть интересы трудящихся классов позволяет представить его интересы как общенациональные и лежит в основе западной демократии (Miliband, 1977). Важно

подчеркнуть, что исторически подобный компромисс никогда не возникал спонтанно, в результате стихийного развития капиталистических обществ, как проявление доброй воли буржуазии. Он наступал вследствие упорной классовой борьбы. Так, в Великобритании развитие капитализма в XIX в. сопровождалось непрерывной серией глубоких социальных реформ, охвативших расширение избирательных прав, отмену хлебных законов, демократизацию образования, развитие здравоохранения, легализацию профсоюзов и политических партий рабочего класса и т.д. (Seaman, 1973). Это и был один из первых опытов общественного договора. Однако указанные реформы проходили под страхом революции, в результате настоящего шока, который испытали английские правящие классы от Французской революции 1789–1794 гг.³ В континентальной Европе в межвоенные десятилетия правящие классы отказались пойти на сколько-нибудь значимый компромисс с рабочими, т.е. отказались ввести в практику общественный договор, что стало важным фактором прихода фашизма к власти в Германии (Sassoon, 1997, p. 49). Лишь после Второй мировой войны наученные горьким опытом и находясь под давлением коммунистических и социал-демократических партий, западноевропейские правящие классы перешли к строительству «социального капитализма» (Ibid., p. 137–166). Таким образом, общественный договор стал реальностью развитых стран капитализма не в результате стихийного развития этих обществ, а в результате продолжительной и упорной борьбы трудящихся за свои интересы, борьбы, угрожавшей ниспровержением общественного строя.

Следует обязательно учитывать и то, что в условиях современного глобального капита-

³ См. об этом, например, в биографии одного из главных английских реформаторов викторианской эпохи, лидера партии консерваторов Роберта Пили (1788–1850), который тщательно изучал историю Французской революции и считал необходимыми широкие уступки рабочим со стороны буржуазного класса (Gash N. Peel. L.; N.Y.: Longman, 1976).

лизма, когда рухнула советская альтернатива капитализму и социалистическое движение всех оттенков оказалось в глубоком кризисе, социальный компромисс оказался под угрозой. Вот как авторитетный американский журнал «Форейн эффейрс» описывал этот процесс еще в середине 1990-х гг.: «Не все выигрывают в глобальной экономике. Безработица велика в Европе, и неравенство усиливается в Соединенных Штатах по мере того, как экономический рост не оправдывает ожиданий, а международная конкуренция ведет к падению заработной платы. Пока экономисты спорят о причинах инфляции... протекционизм угрожает свободе торговли. Политики в послевоенный период, сделав выводы из волнений 1930-х гг., пошли на сделку с рабочими». Она состояла в том, что снижение торговых барьеров должно было способствовать мировой торговле, а государственное стимулирование совокупного спроса – «гарантировать выигрыш для всех. Стагфляция 1970-х гг. нанесла удар по этому *социальному контракту* (курсив мой, – Р.Д.)» (Kapstein, 1996, p. 22). Еще больший удар нанесла последовавшая за стагфляцией глобализация мировой экономики. В ее условиях началась миграция производства из развитых стран на периферию мирового капитализма. В результате заработная плата стала тяготеть к регионам с низкой оплатой труда, и произошел подрыв положения профсоюзов. В условиях, когда финансовый капитал покидает страны с высокими налогами и повсеместно растет государственный долг, кризис «государства всеобщего благосостояния» стал приметой всех развитых стран (Greider, 1998). В условиях развертывающегося кризиса мировой экономики, когда масштабы государственной задолженности, по-видимому, достигают своих пределов, «экономия» на социальных расходах становится настоящей потребностью правящих классов в большинстве стран⁴.

⁴ Об этом ярко свидетельствует кризис экономики Греции, помощь которой со стороны ЕЭС и МВФ обусловлена жесткими условиями сокращения государственных расходов прежде всего на

Таким образом, в условиях относительного снижения силы трудящихся и усиления власти капитала, «социальный контракт» оказался обратимым вспять даже в странах центра мирового капитализма. Россия, по мнению специалистов, принадлежит к полупериферии (Глобализация..., 2003). Здесь условия для реализации общественного договора гораздо более жесткие.

Рецензируемая работа отражает эту реальность на богатом материале социологических исследований. Анализируется т.н. «программа Грефа» 2000-го гг., сформулированная как «налоги в обмен на порядок». Ее суть состоит в том, что государство обеспечивает безопасность и правосудие в обмен на уплату налогов обществом. Однако ни население, ни бизнес не доверяют налоговой политике государства, считая, что она определяется, прежде всего, корыстными интересами отдельных представителей или групп чиновников (с. 157–171). Обязательным условием развития экономики в условиях современного общества является такое ключевое благо, как личная безопасность граждан. Она плохо обеспечивается в условиях неэффективной судебной системы и широкого распространения коррупции (с. 248–308). В то же время, анализ деятельности судебной системы демонстрирует ее плохую обеспеченность финансовыми ресурсами, информационную закрытость, зависимость от влиятельного чиновничества и т.д. (с. 172–247). В работе исследуется и коренной для инновационного общества вопрос об услугах государства по наделению легальными правами собственности (регистрации имущества, сделок и т.д.) и фиксации прав. Анализ показывает, что зачастую реальный спрос на подобные услуги ниже потенциаль-

ного (т.е. многие потенциальные потребители не обращаются к государству), а их предложение отличается высокими транзакционными издержками (с. 308–383).

Особое значение для практики общественного договора имеет вопрос о легитимности крупной собственности, которому в работе уделено большое внимание (с. 384–435). Под легитимностью институтов авторы справедливо понимают не формальное соответствие букве закона (это легальность), а их признание со стороны рядовых граждан как соответствующих своим ожиданиям. Социологические опросы показывают, что «в российском обществе остаются распространены представления о необходимости нового передела собственности» (с. 384). Это значит, что через два десятилетия рыночных реформ крупная частная собственность в глазах большинства россиян (согласно опросам) остается нелегитимной. Такое положение объясняется в книге тем, что в советские времена предприятия выполняли, плюс к своей прямой функции производства товаров и услуг, еще и целый ряд социальных функций. Отказ частных собственников от выполнения подобных обязательств воспринимается населением как покушение на его коренные права, что и порождает недоверие к крупному частному капиталу. Любопытно, что в то же время абсолютное большинство россиян положительно относится к появлению мелкой частной собственности (с. 416–417), с которой не связано ожидание выполнения упомянутых социальных функций. Среди последствий нелегитимности крупной собственности указывается необходимость отвлечения части ресурсов на защиту собственности от «попыток перераспределения», а также – «хищническая эксплуатация активов, полное отсутствие инвестиций в их поддержание, перевод полученных доходов за рубеж» (с. 386). В качестве решения проблемы предлагается ряд важных мер, включающих: «восстановление справедливости» путем безвозмездного наделения пенсионеров привилегированными акциями приватизированных предприятий; восстано-

социальные программы (Tolios Y. Economic Crisis, Financial Markets and Economic & Monetary Union in the EU. The Greek Experience from It's Participation in the «Euro-zone» and the Question of an Alternative Economic Policy / Political Economy: Reactualization. International Theoretical Conference. Moscow, April 19–20th, 2010).

ление некоторых социально-бытовых функций предприятий и поддержка карьерного роста молодых работников; соблюдение собственниками норм поведения, «вызывающих уважение окружающих» (с. 430–435).

Представляется, что в данной главе поднят коренной вопрос всей тематики общественного договора, недостижимого без легитимации крупной собственности в глазах населения. Не вызывает сомнений и мысль о важной роли отказа крупного бизнеса от выполнения социальных функций советских предприятий. Однако представляется, что это далеко не единственный фактор низкой легитимности частного бизнеса в глазах людей. Если бы, скажем, произошла коренная модернизация большинства предприятий, страна заняла прочное место на мировом рынке наукоемкой продукции и в результате рост заработной платы компенсировал отказ предприятий от выполнения былых социальных функций, то легитимность крупного бизнеса пострадала бы гораздо меньше. Впрочем, авторы понимают это и объясняют неэффективное хозяйствование крупного бизнеса – низкий уровень инвестиций, вывоз капитала за рубеж и т.д. – неуверенностью собственников в будущем, вытекающей из нелегитимности их прав в глазах россиян (см. выше). Получается, что если бы наше население имело другие ожидания, то и бизнес стал бы созидательным. Думается, что здесь содержится серьезная подмена мест причины и следствия. Чтобы понять это, необходимо учесть некоторые особенности российского крупного бизнеса, не рассмотренные в анализируемой работе.

В литературе по корпоративному управлению в современной России общепризнано, что из-за слабой реализации законов формальные права собственности в нашей стране не могут осуществляться на деле, если они не подкреплены неформальным контролем над активами (Капелюшников, 1999; Паппэ, 2002а, 2002б; Радыгин, 2001; Dolgopyatova, 2005; и др.). Последний опирается на сеть формальных и неформальных институтов, позволяющих реальным собственникам вли-

ять как на внутреннюю, так и на внешнюю среду фирмы. Коррупционные связи с государством и криминальное насилие являются важными составными частями этой системы власти над предприятиями. Преимущественно неформальные «права собственности» нельзя юридически закрепить, но зато всегда можно оспорить. Это ведет к систематическому переделу собственности в России то в форме криминального рейдерства (Центр политических технологий, 2008), то в форме «квазинационализации»⁵. Именно это прежде всего порождает краткосрочность временной ориентации крупного бизнеса, которая проявляется в ориентации собственников на максимизацию текущего дохода за счет урезания фонда оплаты труда, инвестиций, дивидендов, амортизации и т.д. Разумеется, максимизация краткосрочного дохода такими методами подрывает перспективы компаний в долгосрочном периоде, порождая ущербные инвестиции, вывоз капитала за рубеж, низкую оплату труда, уход от уплаты налогов, усиление сырьевой ориентации экономики. Подобная ориентация бизнеса несовместима с выполнением социальных функций, справедливостью и добропорядочными нормами поведения, предлагаемыми в книге. Важно подчеркнуть, что это положение вытекает из природы самого института крупного бизнеса, как он реально сложился в России, а не из провала ожиданий населения. Последний является следствием краткосрочности и неэффективности отечественного крупного капитала, хотя и может еще больше усиливать эту краткосрочность.

В конечном счете, разумеется, это массы творят историю, и если бы отечественный капитализм столкнулся с массовым сопротивлением, то вполне вероятно, что его эволюция произошла бы в более конструктивном направлении. Однако непосредственное влияние

⁵ (Устюжанина, 2009). Под «квазинационализацией» понимается формальная передача активов в собственность государства, когда на ее базе осуществляется частное присвоение доходов.

бизнеса и населения (наемных работников) на экономическую жизнь далеко не одинаково.

Есть еще одно очень важное последствие деятельности отечественного крупного бизнеса для проблематики общественного договора. Речь идет о взаимодействии бизнеса и государства. В работе государство справедливо рассматривается как потенциальный инициатор развития гражданского общества в наших условиях (с. 436–451). При этом дается глубокий анализ административных барьеров в экономике и предлагаются возможные пути их разрушения (с. 452–510). Особый интерес представляет анализ зарубежной практики гражданского аудита, понимаемого как система мониторинга гражданами деятельности государства, и предлагаемая адаптация этого опыта к отечественным реалиям (с. 510–558). Все это важные элементы гражданского общества, появление которых могло бы существенно повлиять на развитие России. Однако представляется, что эти институты приходят в конфликт с коренными интересами правящего класса России, как он сам их понимает (в отличие от того, что он декларирует).

Доминирование неформального контроля над активами предполагает принадлежность отечественных капиталистов к тем или иным кланам, поделившим экономику на сферы влияния (Розмаинский, 2002). Краткосрочность временной ориентации крупного бизнеса препятствует поиску им компромисса с другими социальными слоями, который требуется только дальновидному правящему классу. В силу того что связи с государством являются обязательным элементом защиты неформальных «прав собственности», государственный аппарат фрагментируется и утрачивает свою относительную независимость от имущего класса. Основой этой связи является взятка, превращающаяся из простой коррупции в неотъемлемый элемент кругооборота капитала. Таким образом, крупный бизнес и государство, т.е. правящие круги нашего общества, оказываются не заинтересованы в достижении и соблюдении общественного договора как социального компромисса

с широкими слоями трудящихся. Ничего удивительного, что подобный бизнес, да и подобное государство не обладают легитимностью в глазах населения. Важно подчеркнуть, что этот конфликт интересов, по существу, глубокий социальный раскол нашего общества, вытекает из самой природы современного российского капитализма, а не из особенностей «массового поведения и массовых реакций» на реформы, как полагают авторы книги.

Достоинством книги является связь концепции общественного договора с модернизацией России. Авторы справедливо полагают, что успех обновления страны может быть достигнут только в случае объединения основных социальных сил нашего общества ради решения этой исторической задачи. В качестве субъектов модернизации рассматриваются крупный бизнес, властные элиты, бюрократия, общество, малый и средний бизнес (с. 626). На взгляд автора данных строк, следовало выделить трудящихся, считая общество совокупностью всех упомянутых сторон. Однако сама задача образования коалиции общественных групп, интересы которых отражает стратегия модернизации (с. 638–669), является насущной необходимостью. Особенно подчеркивается роль среднего класса как субъекта модернизации российского общества (с. 669–719). Авторы ратуют за создание таких условий для различных профессиональных групп, которые побудят средний класс к активному участию в модернизации. Все это справедливо и важно. Однако хочется подчеркнуть, что формированию коалиции основных сил, способных осуществить модернизацию страны, препятствуют те особенности отечественного капитализма, о которых шла речь выше. Именно в этом контексте не вызывает сомнений вывод исследования о том, что «успешные и эффективные, не связанные с чрезмерными и непродуктивными затратами преобразования в экономике могут быть достигнуты только вместе с изменениями в институциональной структуре экономики и общества» (с. 670).

Подытоживая сказанное, хочется отметить, что рассматриваемая фундаментальная

монография об общественном договоре представляет собой итог десятилетия тщательной и кропотливой работы целого коллектива квалифицированных специалистов. Результатом их исследований стало прояснение целого ряда важнейших проблем формирования гражданского общества в современной России. Однако, по мнению автора настоящих строк, в работе недооценивается глубина социального конфликта, лежащего в основе капитализма как общественной системы. Социальный компромисс в истории капитализма всегда был уступкой правящего класса в ответ на упорную борьбу трудящихся за свои права. Текущий кризис мирового хозяйства, который скорее всего еще далек от завершения, не способствует сохранению практики социального компромисса в прежних масштабах даже в развитых капиталистических странах. Более отсталый российский капитализм демонстрирует конфликт социальных интересов в более грубой форме. Это является главным препятствием для введения в практику нашей жизни такого цивилизованного института, как общественный договор. Эти полемические соображения, однако, не снижают нашей высокой оценки подготовленного Институтом национального проекта труда.

Литература

- Глобализация и крупные полупериферийные страны / Под ред. В. Хороса // Научные доклады. Вып. 1. М.: Междунар. отношения, 2003.
- Капелюшников Р. Крупнейшие и доминирующие собственники в российской промышленности: свидетельства мониторинга РЭБ // Вопросы экономики. 1999. № 10.
- Паппэ Я.Ш. Российский крупный бизнес как экономический феномен: особенности становления и современного развития // Проблемы прогнозирования. 2002а. № 1.
- Паппэ Я.Ш. Российский крупный бизнес как экономический феномен: специфические черты, модели его организации // Проблемы прогнозирования. 2002б. № 2.
- Радыгин А. Собственность и интеграционные процессы в корпоративном секторе (некоторые новые тенденции) // Вопросы экономики. 2001. № 5.
- Розмаинский И. Основные характеристики семейно-кланового капитализма в России на рубеже тысячелетий: институционально-посткейнсианский подход, 2002 (http://www.perspektivy.info/rus/ekob/osnovnyje_kharakteristiki_semejno-klanovogo_kapitalizma_v_rossii_na_rubezhe_tysacheletij_institucionalno-postkejnianskij_podkhod_2007-01-01.htm).
- Устюжанина Е. Квазинационализация как этап трансформация отношений собственности / Тезисы доклада на ученом совете. М.: ЦЭМИ РАН, 2009.
- Центр политических технологий. Рейдерство как социально-экономический и политический феномен современной России. М., 2008.
- Dolgopyatova T. Evolution of the Corporate Control Models in the Russian Companies: New Trends and Factors. SUHSE Working Paper WP1/2005/04. Moscow: State University – Higher School of Economics, 2005.
- Greider W. One World, Ready or Not: the Manic Logic of Global Capitalism. N.Y.: Simon & Schuster, 1998.
- Kapstein E. Workers and the World Economy: Breaking the Post-War Bargain // Foreign affairs. 1996. Vol. 75. № 3. May/June.
- Miliband R. Marxism and Politics. (Marxist Introductions). Oxford: Oxford University Press, 1977.
- Sassoon D. One Hundred Years of Socialism. The West-European Left in the Twentieth Century. L.: Fontana Press, 1997.
- Seaman L.C.B. Victorian England. Aspects of English and Imperial History. 1837–1901. L.: Methuen & Co. Ltd., 1973.